

поскольку ткани хранятся в галерее при Станфордском университете (штат Калифорния). Сузан Льюис в 1969 г. издала каталог этих тканей. В разделе литературы под № 1 указана работа "Коптские ткани музея Бенаки". Следовало бы указать, что автор этой небольшой книжечки, изданной на греческом и английском языках, —

Lila Marangou. Под номерами 7 и 14 фигурирует одна и та же книга — первый том каталога коптских тканей луврского собрания Пьера дю Бурге. Уместно было бы указать инициалы таких исследователей как А.Ф. Кендрик, О. Вульф, В.Ф. Фольбах.

А. Я. Каковкин

Lidov A. *The Mural Paintings of Akhtala*. Moscow: Nauka, 1991. 138 p., 50 fig, 1 план, 8 схем

В истории культуры народов христианского Востока, в первую очередь народов Закавказья, заметную роль играли конфессиональные различия. Грузия приняла христианство православного толка — дифицитство. Армения прикнула к монофиситству, это были не только расхождения догматического свойства, они влекли за собою и осложнения политического характера.

В силу исторических обстоятельств часть армян (обычно это были люди высокого социального и общественного положения) в разное время становились православными, принимая установления Вселенского собора в Халкидоне (451 г.), т.е. становилась халкидонитами. Оставаясь по этническому признаку армянами, по конфессии они становились "греко-грузинами".

Проблему армян-халкидонитов поднял в литературе еще в начале века Н. Я. Марр. В последнее время она опять привлекла к себе внимание (особенно плодотворно разрабатывает ее П.М. Мурадян). Деятельность армян-халкидонитов заметно оживилась еще в XIII в. Связано это было, в первую очередь, с изгнанием сельджуков и входом части армянских земель в состав грузинского царства.

Одним из ярких выражений деятельности армян-халкидонитов явились росписи, принадлежавших им храмов. На сегодняшний день в литературе фигурируют пять таких памятников: Плиндзаханк (больше известный под позднейшим названием "Ахтала"), церковь св. Григория Армянского (1215 г.) в Ани, Киранц и две церкви Кобайра.

Самым показательным памятником армян-халкидонитов является Плиндзаханк. Книга А. М. Лидова как раз и посвящена этому памятнику.

Ахтала — памятник интересный в нескольких отношениях и для историка, и для искусствоведа. Известно, что он существовал как армянская монофиситская обитель. В 1188 г. здесь была возведена большая церковь Богоматери. В начале XIII в. Иванэ Мхаргдзели передал монастырь халкидонитам. По его же заказу церковь Богоматери была частично перестроена и расписана. Если судить по названию рецензируемой книги, она посвящена этой росписи, но охват ее значительно шире и глубже.

За Введением (с. 1—6), в котором кратко изла-

гается история вопроса, следует 1-я глава (с.7—21) "История создания и дата росписи". Привлекая исторические свидетельства, анализируя эпиграфические материалы и памятные записи рукописей, автор реконструирует историко-культурную среду, в которой возникли росписи, создает убедительный исторический портрет заказчика стенописи Иванэ Мхаргдзели и обосновывает дату ее создания — 1205—1216 гг. Последний момент особенно примечателен, поскольку может служить конкретным хронологическим ориентиром для изучения других памятников монументальной живописи Закавказья.

2-я, самая большая глава называется "Иконографическая программа" (с.22—92). Она посвящена детальному анализу иконографии сцен и персонажей (впервые здесь идентифицируются многие изображения), автор объясняет их размещение, выявляет символические связи между отдельными циклами и композициями в системе росписи и во многих случаях увязывает их с литургией. Убедительны предлагаемые автором реконструкции не сохранившихся частей храмовой декорации.

Верно отмечая, что в целом иконографическая программа церкви соответствует сложившейся в XI в. средневизантийской системе убранства, А.М. Лидов подчеркивает важную роль темы Богоматери, которой посвящен храм. Здесь же он высказывает объективное предположение, что наиболее интересные индивидуальные особенности росписей Ахталы определены принадлежностью памятника к особой культуре армян-халкидонитов, которые последовательно ориентировались на конфессионально родственные Византию и Грузию.

В 3-й главе (с.93—113) "Мастера и стилистические направления" автор выявляет восемь индивидуальных манер, образующих две большие стилистические группы, связанные своим происхождением с византийским и грузинским искусством. Полно охарактеризованы стилистические манеры и почерк нескольких мастеров: "главный", "второй", "художники, расписавшие западную стену", "художник сорока мучеников", "живописцы второго слоя". Анализируя греческие, грузинские и армянские пояснительные надписи, А.М. Лидов определил этническую принадлежность художников и получил интересные данные о составе работавшей здесь артели. Первую стилистическую

группу образуют росписи алтарной апсиды (работа главного мастера — армянина-халкидонита) и северной и южной стен (работа грека или армянина-халкидонита), исполненные художниками, приехавшими из Византии. Ко второй стилистической группе относятся остальные росписи, выполненные грузинскими живописцами.

В итоге А.М. Лидов, изучавший памятник непосредственно на месте в 1985 — 1989 гг., делает тактичный, на мой взгляд, вывод: "В целом росписи Ахталы не могут быть отождествлены с какой-либо художественной традицией. Они могут быть правильно поняты только как памятник искусства армян-халкидонитов, своеобразно сочетающего элементы армянской, грузинской и византийской культур" (с. 115).

До появления этой монографии наши сведения об Ахтале были самые общие, историко-культурное значение памятника было не очень ясно.

Теперь мы имеем первое комплексное монографическое исследование памятника. Значение книги А.М. Лидова очевидно — вводится в научный оборот первоклассный уникальный памятник начала XIII в. относительно хорошей сохранности. Росписи Ахталы дают счастливую возможность сравнить отдельные стилистические манеры и две художественные традиции, а это помогает глубже понять своеобразие и византийской, и грузинской монументальной живописи начала XIII столетия. Стенопись Ахталы, несомненно, займет подобающее ей место в ряду лучших произведений восточно-христианского искусства.

Монография А.М. Лидова дает богатый материал для изучения, сопоставления, уточнения предположений и выводов автора. Издание ее на английском языке, конечно, значительно расширяет круг лиц, которые могут детально ознакомиться с интересным памятником.

А. Я. Каковкин

Курбатов Г. Л. Ранневизантийские портреты: к истории общественно-политической мысли. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. 272 с.

Сразу же хотелось бы отметить, что содержание новой монографии Г.Л. Курбатова значительно шире, нежели ее название, ибо в ней рассмотрен практически весь комплекс проблем, связанных с ранневизантийской государственностью. В книге дана своя стройная концепция византийского общества IV—VI вв., которое автор, обогатив свою ранее выдвинутую теорию¹ новыми доводами, последовательно определяет как позднеантичное. Написана монография на материале пяти биографий: Ливания, Иоанна Златоуста, Синесия Киренского, Прокопия Кесарийского и Юстиниана. При всем том, что в этом перечне несколько выпадает император Юстиниан и есть касающиеся V в. лакуны, Г.Л. Курбатову нельзя отказать в последовательности и логичности в создании концепции специфики ранневизантийской государственности и отношения к ней тех, кто в той или иной степени сам вкладывал лепту в ее создание.

Книга состоит из введения, семи глав и заключения. Во введении исследователь, полемизируя с теорией позднеантичной монархии как прямого порождения упадка античного полиса, отрицает гипертрофированные размеры бюрократизации империи и подчеркивает важную роль города и в период IV—VI вв. По его вполне убедительному мнению, централизованные структуры прямого государственного управления в значительной мере являлись надстройками над массой сохранявших элементы самоуправления городских общин, которые вполне реально осуществляли часть непосредственно управленческих функций как по отношению к городу, так и его сельской округе (с.6—7). Исходя из этого, Г. Л. Курбатов акцентирует свое внимание на преобладании в общественном развитии ранней Византии тенденции не к разрыву, а к преемственности.

Преемственность как главную черту выделяет автор и в истории общественно-политической мысли Византии IV—VI вв. Он, в частности, уделяет большое внимание ее предистории, емкий очерк которой дан в главе I "К истории политической идеологии и теории ранней Византии". Г.Л. Курбатов справедливо отмечает, что политические теории ранней Византии, как и всей античности на протяжении ее существования, имеют в качестве исходной базы те теории и тот понятийно-категориальный аппарат, который выработала эпоха классической античности (с.18).

Представляется, однако, дискуссионной гипотеза автора о преобладающем значении в политической теории римских основ и традиций, во-первых, потому, что истинная романизация

©А.А. Чекалова, 1998

¹ См., например: Курбатов Г. Л. К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. Вып.3. С. 3—21; Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 56—77; Они же. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984; Они же. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 100—197.